

АКЦЕНТНЫЙ СТАТУС КАК ФАКТОР ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ*

© 2003 г. Е. В. Падучева

Термин “акцентный статус” предлагается как обобщение для нескольких разных коммуникативных противопоставлений – таких как рематическое выделение (с ним связаны понятия ассерция, презумпция, импликация); тематическое выделение, которое базируется на иерархии коммуникативных рангов; актуализация компонента за счет смещения фокуса внимания. К тому же кругу понятий принадлежат имплицатуры и инференции. Предлагаются более точные определения и очерчивается круг возможных применений этих понятий.

The term “accentual status” is proposed as a generalization for several different though related semantic oppositions – such as assertive status (which opposes presuppositions, assertions and implications); thematic salience and a scale of communicative ranks associated with it. Inference and implicature belong to the same area. More precise definitions are suggested for some of these terms.

Во многих современных концепциях толкование лексемы мыслится как набор семантических компонентов предикативной структуры (см., например, [1, 2]). В синтаксическом отношении эти компоненты независимы, но в коммуникативном плане неравноценны. Понятие акцентного статуса семантического компонента предназначено охватить несколько разных (и в разной степени изученных), хотя и связанных между собой коммуникативных противопоставлений – таких как:

- рематическое выделение и противопоставление презумпция – ассерция;
- тематическое выделение и шкала коммуникативных рангов участников;
- актуализация компонента за счет смещения фокуса внимания.

Кроме того, имеется традиция различения ординарных и неустойчивых компонентов в толковании лексемы: разного рода имплицатуры и инференции (inferences) порождаются и блокируются контекстом и потому имеют пониженный статус.

Термин “акцентный статус” предлагается как обобщающий для этого рода противопоставлений, которые мы попытаемся ниже очертить и сопоставить.

§ 1. РЕМАТИЧЕСКОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ

Семантика предложения строится на взаимодействии двух структур – пропозициональной (аргументно-предикатной) и коммуникативной (ср. [3]). Коммуникативная структура подвергается в

последнее время массивованному наступлению с разных сторон, но многое пока еще остается неясным.

Говоря о коммуникативной структуре высказывания, обычно имеют в виду оппозиции, выражаемые интонацией и порядком слов (линейно-интонационной структурой). Есть, однако, различия, которые возникают на предшествующих уровнях – синтаксическом и даже лексическом, и именно они будут предметом нашего внимания.

В работах, посвященных коммуникативной структуре, основное внимание обычно уделяется рематическому акценту. Между тем есть близкое, но иное явление – мы будем называть его тематическим выделением.

Рематический акцент падает на утверждаемое и противопоставлен данности – тому, что принимается за исходное. Это различие хорошо формулируется в терминах: ассерция – пресуппозиция (презумпция) и имеет широкую сферу применения; например, оно позволяет представить в общем виде взаимодействие семантических компонентов предиката с отрицанием: если в толкование слова входят два структурно равноправных компонента, то отрицается только ассертивный.

Так, глаголы со значением ‘бояться’ и ‘надеяться’ оба включают: а) предположение о наступлении события; б) его оценку. Но различие не только в “знаке” оценки, отрицательной для *бояться* и положительной для *надеяться*, а еще и в том, что для *бояться* (в его основном значении) оценочный компонент – ассерция, а для *надеяться* – пресуппозиция (см. [4, 5]):

бояться X-a = ‘считать наступление X-a вероятным’ [презумпция];

* Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РФНФ, грант № 02-04-00294а, и фонда РФФИ, проект № 01-06-80419.

‘считать наступление X-а нежелательным’ [ассерция].

надеяться на X = ‘считать наступление X-а вероятным’ [ассерция];

‘считать наступление X-а желательным’ [презумпция].

Соответственно:

не боюсь = ‘не считаю X нежелательным, будучи уверен в его наступлении’;

не надеюсь = ‘не уверен в наступлении X-а, считая желательным’¹.

В обоих случаях отрицается ассерция.

Пример рематического выделения в семантике лексемы был предъявлен в [7] – толкование англ. глаголов *to accuse* ‘обвинить’ и *to criticize* ‘осудить’ содержит одинаковые компоненты, но совершение действия у *accuse* – ассерция, а у *criticize* – презумпция (см., впрочем, уточнения на этот счет в [8, с. 409]).

В одном ряду с ассерцией и презумпцией находятся две другие акцентные характеристики компонента – импликация (иначе – имплицитив) и слабый компонент, или атрибутив.

Импликация (по [9]) – это характеристика, которая тоже касается поведения компонента под отрицанием: импликация присутствует в утвердительном контексте и отсутствует в отрицательном. Например, импликацией является второй аргумент глагола *вызвать*:

а. *Его появление вызвало замешательство*

▷ ‘замешательство имело место’;

б. *Его появление не вызвало замешательства*

▷ ‘замешательство не имело места’.

Атрибутив (и атрибутивный компонент, термин из [10, с. 243]; в [11, с. 30], [12] – слабый компонент; ср. в [13] близкое понятие “неустойчивый компонент”) – это характеристика компонента, тоже касающаяся, в первую очередь, его поведения под отрицанием: в отрицательном контексте атрибутивный компонент может лишаться смысла и выпадать; например, отрицанием для высказывания *Нагрянула полиция* будет скорее *Полиция не появилась*, чем *Полиция не нагрянула*.

Ассерция, презумпция, импликация, атрибутив – это значения параметра рематический акцент, иначе – ассертивный статус компонента.

Теперь о тематическом выделении. Если рематический акцент противопоставлен данности, известности компонента, то тематическое выделение противопоставлено затушеванности, уходу на задний план.

Для различий, относящихся к области тематического выделения, нет общепринятой терминологии. Английские термины – такие как *promotion* (ср. [14, с. 80]), *focalization* [15], *foregrounding*, *topicalization* – отражают лишь частные аспекты явления.

§ 2. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ. КОММУНИКАТИВНЫЙ РАНГ УЧАСТНИКА И КОМПОНЕНТА

Из тени в свет перелетая...

Нас будет интересовать то тематическое выделение, которое заложено в лексической семантике слова – а не то, которое выражается порядком слов и просодией. По сути, противопоставления в предложении и в семантической структуре слова одни и те же.

Тематическим выделением естественно называть приписывание участнику статуса темы. В американской лингвистике русским терминам тема и рема соответствуют англ. *topic* и *comment*. Вместо *comment* иногда употребляют термин *focus*, ср. [16, с. 63], [17, с. 208]. Этот последний мы никогда не переводим русским “фокус”, поскольку в русской системе терминов с этим словом связано скорее тематическое, а не рематическое выделение (в фокусе внимания = “в позиции тсмы”); так, в [15] фокализация понимается как вынос участника в тематическую позицию.

До последнего времени тематическое выделение не было четко отграничено от рематического акцента. Несколько примеров, взятых из самых авторитетных источников². В [19, с. 257] рассматривается пара предложений – с глаголом *выиграть* и его конверсивом *проиграть*:

(1) а. *Перворазрядник выиграл у чемпиона;*

б. *Чемпион проиграл перворазряднику,*

по поводу которой говорится: “Семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различие в логическом ударении (выделении, подчеркивании). Когда мы говорим (а), мы подчеркиваем в качестве нового тот факт, что перворазрядник играет или играл очень хорошо. Когда мы говорим (б), мы <...> подчеркиваем в качестве нового тот факт, что чемпион играл не слишком хорошо”. На самом деле (а) и (б) различаются тем, что в них данное: они говорят о событиях с разными объектами, (а) – об удивительном событии с перворазрядником, (б) – с чемпионом; разница – в выборе темы, т.е. в тематическом выделении, а не в рематическом акценте.

Тема в (1а) и (1б) – это то, что выражено подлежащим. Точнее – синтаксическим Субъектом: Субъект при глаголе в личной форме выражает-

¹Противопоставление ассерция/презумпция связано и с фразовым ударением. ср. *Я БОЮСЬ идти к зубному врачу* и *Я боюсь ему ПЛАДОЕСТЬ* (пример из [6, с. 79]).

²Эти примеры рассматривались нами, в несколько иной связи, в работе [18].

ся подлежащим: но глагол может быть употреблен в форме причастия или деепричастия, при отрицании получить Субъект в род. падеже и т.д. – словарная характеристика, выделяющая одного из участников ситуации на роль Субъекта, остается при этом неизменной, см. [20, с. 182]. Аналогичным образом мы будем далее проводить различие между прямым дополнением и Объектом.

Другой пример. В [19, с. 261] была описана замечательная разновидность диатетического сдвига, при котором участник ситуации, обязательный на денотативном уровне, выходит из поля зрения при языковой концептуализации этой ситуации; так, во фразе (б) примера (2) в таком положении оказывается больной:

(2) а. *Врач лечит Ивана от малярии хинином;*
б. *Врач лечит малярию хинином.*

Различие между (2а) и (2б) толкуется, однако, следующим образом:

А лечит 1 X-а от Y-а Z-ом = 'А воздействует на X-а Z-ом', пытаюсь прекратить Y';

А лечит 2 Y Z-ом = 'А пытается прекратить Y, воздействуя на X-а Z-ом'.

Поскольку в [21, с. 62] сказано, что "деепричастные конструкции используются для формализации пресуппозиций", получается, что различие между (2а) и (2б) сводится к противопоставлению ассерции и пресуппозиции, т.е. к рематическому выделению: компонент 'А воздействует на X', когда X явно выражен в предложении, как при *лечить 1*, имеет в толковании ассертивный статус, а когда X лишь подразумевается, как при *лечить 2*, он – пресуппозиция.

На самом же деле разница между *лечить 1* и *лечить 2* другая: *лечить 1* ставит в фокус внимания больного (X) – участник X выражен прямым дополнением; а при *лечить 2* участник X вообще не входит в перспективу – остается за кадром. Иначе говоря, разница вполне аналогична той, которая выявилась на примере (1).

Похожий пример – в [19, с. 204], где двум употреблением глагола *выбивать* даются следующие экспликации:

(3) а. *выбивать В из С X-ом* (например, *пыль из ковра палкой*) = 'каузировать В переставать находится в С, ударяя по С X-ом';

б. *выбивать С X-ом* (например, *ковер палкой*) = 'ударять по С X-ом, каузируя В переставать находится в С'.

Деепричастная часть толкования в (3б), как и в (2б), соответствует тому участнику, который присутствует в ситуации "имплицитно", т.е. не отражен в поверхностной структуре предложения. Ю.Д. Апресян усматривает между (3а) и (3б) "различие в логических акцентах, в направлении осмысления ситуации" (с. 205). Между тем связь между синтаксисом и смыслом здесь, как кажет-

ся, более прямая: во фразе (3а) участник *пыль*, будучи выражен прямым дополнением, находится в центре зоны внимания говорящих; а в (3б) этот участник за кадром.

И еще один пример. Ю.Д. Апресян в [19, с. 260] пишет о глаголах *покупать* и *продавать*, что они "обозначают одну и ту же ситуацию, характерные свойства которой могут быть в первом приближении описаны следующим образом:

а) некая вещь В переходит от лица X к лицу Y;

б) некая денежная сумма Z переходит от лица Y к лицу X;

в) в случае *покупать* а) и б) представляются как каузированные Y-ом, а в случае *продавать* – как каузированные X-ом".

В первом приближении это описание, конечно, верно; но оно годится в том числе и для ситуации, когда X не продал Y-у свою вещь, а отнял у него деньги, что-то ему всучил: чтобы быть адекватными, толкования глаголов *купить* и *продать* должны отразить тот факт, что действия обоих лиц добровольные. Нельзя сказать, что передача денег и товара каузированы одним из участников: она каузирована их договором. Договор – вещь взаимная, и, следовательно, действия обоих лиц симметричны. Конечно, в разных ситуациях инициатива может исходить от покупателя или от продавца, но этих различий семантика слов *купить* и *продать* не отражает, т.е. покупатель и продавец в этих двух ситуациях не различаются не только отношением к каузации, но и инициативой. Тогда в чем же состоит различие в значении этих слов? Что заставляет говорящего одну и ту же ситуацию пазвать в одном случае куплей, а в другом – продажей? Очевидно, говорящий выбирает один из двух взаимно конверсных глаголов в зависимости от того, кого из участников ситуации купли-продажи он решил сделать главной фигурой – темой – своего сообщения: чью точку зрения на ситуацию он принял за основную; иначе – которого из двух Агентов (того, который отдает деньги, или того, который отдает товар) он выбрал на роль Субъекта.

Примеры (1)–(3) формируют представление о коммуникативном ранге участника ситуации (см. [18]). С равным основанием этот ранг можно было бы назвать синтаксическим: важно то, что синтаксическая позиция участника имеет коммуникативную значимость, которой нельзя пренебрегать.

Самый высокий ранг имеет Субъект: субъектом выражен тот участник, которого данный глагол выделяет как тему. Так, в примере (1) Субъектом в (1а) является перворазрядник, а в (1б) – чемпион. Участник *малярия* в примере (2), как и *пыль* в (3), находясь в позиции Объекта, тоже имеет высокий ранг – хотя бы потому, что Объект может стать Субъектом и темой при пассиви-

зации. Все остальные члены предложения обеспечивают участнику всего лишь ранг “Периферия”. При этом различия в морфо-синтаксическом оформлении у этих остальных подчиненных глаголу членов предложения уже не имеют прямой коммуникативной значимости. Так, ранг участника *ковер* в (3а), выраженного предложной группой (*из ковра*), – “Периферия”. Еще ниже ранг у тех участников ситуации, которые вообще не упоминаются в предложении в явном виде, а лишь подразумеваются, как *пыль* в (3б) и *больной* в (2б). Эти участники имеют ранг “За кадром”.

Язык обеспечивает говорящему возможность достаточно разнообразной фокусировки внимания, т.е. связь между семантической ролью участника ситуации и его коммуникативным рангом относительно свободная. Конверсия, семантическая деривация и просто мена диатезы обеспечивают разного рода *promotions* и *demotions* – продвижения и затушевывания (ср. глаголы *дать* и *получить*): участники переходят из света в тень – или даже в полный мрак чистого подразумевания – и обратно, не меняя (или почти не меняя) своей роли в ситуации. Так, пример (2) показывает, что одушевленность (вопреки тому, что первоначально предполагал Филлмор) не гарантирует участнику высокого коммуникативного ранга: одушевленный больной может остаться за кадром.

Замечание. Речь здесь идет о ранжировке, которая изначально задана словарем; она может далее корректироваться на уровне линейно-интонационной структуры; так, во фразе *Нами были получены следующие данные* трансформация пассива выводит Агенса из тематической позиции, предусмотренной для него словарем, а затем линейно-интонационная структура вновь возвращает его в позицию темы, и все коммуникативные добавки, полученные участником на этой траектории, надо в конечном счете суммировать.

Итак, понятие коммуникативного ранга восполняет терминологический пробел, из-за которого различия в степени тематического выделения ускользали от внимания. Возникает вопрос, как отразить коммуникативный ранг участника в толковании.

В принципе можно было бы всем употребленным глаголам, которые различаются только диатезой (т.е. гиперлексеме – в смысле, который придан этому термину в [22]), сопоставить одно и то же толкование, а различия между лексемами формулировать в терминах ранговых противопоставлений участников. Однако ранговой характеристике участника можно прямо сопоставить в толковании коммуникативный статус его компонента, считая, что компоненты тоже могут быть центральные и периферийные. В базе данных системы “Лексикограф” [23] это различие выражается иконически – положением компонента в центральной vs. периферийной (фоновой) зоне толкования. Если в результате мены диатезы

участник понижается в ранге, то его компонент перемещается в толковании из зоны “Центр” в зону “Периферия” или “За кадром”.

Ранговый сдвиг происходит, например, при декаузативации, (см. [24]). Так, соотношение между (4а) и (4б)

(4) а. *Длинные перечисления (Y) утомили меня (X)*;

б. *От длинных перечислений (Y) я (X) утомился*

описывается следующим преобразованием семантических формул (жирным шрифтом выделены компоненты, входящие в зону “Центр”):

(4а*) *Y утомил X-а* [происшествие; каузатив] =

Э к с п о з и ц и я: X был в нормальном состоянии

: был способен действовать <пресуппозиция>

К а у з а т о р: произошло/имело место Y <пресуппозиция>

это вызвало <ассерция>

Новое состояние: X не способен действовать <импликатив>

(4б*) *X утомился (от Y)* [происшествие; декаузатив] =

Э к с п о з и ц и я: X был в нормальном состоянии

: был способен действовать <пресуппозиция>

(К а у з а т о р: произошло/имело место Y

это вызвало)

Новое состояние: X не способен действовать <ассерция>.

Как показывают схемы (4а*) и (4б*), различие между *утомить* и *утомиться* определяется, прежде всего, статусом каузативного компонента. У *утомить* компонент Каузатив входит в Центр. А у возвратного глагола *утомиться* он в периферийной зоне толкования и к тому же факкультативный (что показано скобками).

§ 3. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТА: СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА ВНИМАНИЯ С ОДНОГО КОМПОНЕНТА НА ДРУГОЙ КОМПОНЕНТ

Смещение фокуса внимания с одного компонента на другой (и соответствующее изменение значения слова) не обязательно связано с изменением коммуникативных рангов (синтаксических позиций) участников: меняться может актуализация компонентов, касающихся одного и того же участника.

Пример акцентного сдвига, ставший классическим, был приведен в статье [25]: смыслы глаголов *помогать*, *облегчать*, *способствовать* состоят из одних и тех же семантических компонентов: ‘А прилагает усилия к достижению цели С’ и ‘Б присоединяет к ним свои’, но различаются

“подчеркиванием” – т.е. расстановкой акцентов. В этом примере для выражения разницы в акцентах нужны разные слова. В других случаях акцентные различия могут не иметь формального выражения.

Когда фокус внимания перемещается с одного компонента толкования на другой, у слова может возникнуть новое значение, относящее его к другому тематическому классу. См. примеры из работы [26], где смещение фокуса внимания рассматривается как механизм семантической деривации³:

(1) а. *банка треснула* [деформация]; б. *ветка треснула* [звук];

(2) а. *матросы скребли палубу* [воздействие]; б. *скребет мышшь* [звук];

(3) а. *Где-то тархтит мотоцикл* [звук]; б. *Мотоцикл тархтел по пыльной дороге* [движение].

Фокусировка внимания – это то же, что профилирование компонента (термин, который используется в когнитивной лингвистике (см. также об активных зонах толкования в [27, с. 189]).

Сдвиги фокуса внимания и их роль в семантической деривации можно проследить на производных значениях глагола *выйти*. Приблизительное толкование для *выйти* (по мотивам [28, с. 484]):

X вышел из Y в Z = ‘X, идя, перестал находиться в замкнутом пространстве Y и начал находиться в другом пространстве Z – открытом’⁴.

Например: *выйти из комнаты (города, машины)*; *Отойдя от стойбища шагов триста, я вышел на отмель*; *выйти на сцену*.

Исходная и конечная точки движения при глаголе *выйти* редко указываются в предложении совместно (показательно, что МАС дает для *выйти* два разных значения, одно только с участником Y, другое – только с Z). В самом деле, поскольку в толковании исходного значения *выйти* содержится два синтаксически равноправных компонента: ‘перестать’, который в исходном значении *выйти* соответствует вопросу “Откуда?”, и ‘начать’, соответствующий вопросу “Куда?”, то естественно, что в одних контекстах актуализуется один, а в других – другой. Более того, если приглядеться к производным значениям *выйти*, то оказывается, что в них смещение акцента вообще невозможно, акцент жестко закреплен либо на

одном компоненте, либо на другом⁵. Производные значения *выйти* делятся тем самым на два класса, одни значения актуализуют компонент ‘перестать’ (и сочетаются с предлогом *из*), другие – компонент ‘начать’ (и сочетаются с направлятельными предлогами *в* и *на*)⁶.

К значениям 1-й группы, с компонентом ‘перестать’, относятся:

1. ‘двигаясь, перестать находиться в замкнутом пространстве’ (*судно вышло из бухты*);

2.1. ‘перестать находиться/пребывать: изменение устойчивого состояния’ (*выйти из больницы, тюрьмы*);

2.2. ‘перестать быть частью, членом’ (*выйти из состава комиссии, из бригады*);

2.3. ‘перестать быть в состоянии’ (*выйти из повиновения, из-под опеки*);

2.4. ‘перестать принадлежать к категории’ (*я вышел из этого возраста*);

3. ‘перестать существовать в каком-то количестве: израсходоваться, кончиться’ (*у нас за месяц вышло пять кг муки*);

4. ‘произойти: X в начале своего существования был Y-ом, а потом перестал’ (*вышли мы все из народа; вышел из купеческой семьи*).

К значениям 2-й группы, с компонентом ‘начать’, относятся:

5. ‘двигаясь, начать действовать’ (*выйти на прогулку, охоту*);

6.1. ‘начать пребывать: в устойчивом состоянии’ (*выйти на работу*);

6.2. ‘начать пребывать: в (социальном) положении: высоком’ (*выйти в генералы, в отличники*);

6.3. ‘начать пребывать: в гражданском состоянии’ (*выйти замуж*);

6.4. ‘начать существовать’ (*из покрывала вышло три платья; ...и у вас выйдет оригинальный роман*);

6.5. ‘начать иметь место’ (*вышла неприятность*);

7. ‘стать (= ‘начать быть’) кем-то в результате работы, учебы’ (*из него вышел хороший инженер*);

8. ‘быть выпущенным’ (*вышел <в свет> очередной номер журнала “Итоги”; на экраны вышел новый фильм*).

В первой группе требует комментариев значение *выйти* 4 = ‘произойти’: тут компонент ‘X перестал быть Y-ом’ самоочевиден и входит в толкование этого значения как фоновый; главный

³Очевидно, что этот механизм носит общий характер. Так, для англ. *glimpse* словари дают два значения: 1) ‘мельком взглянуть’; 2) ‘промелькнуть’, которые получаются одно из другого меной фокусировки.

⁴Ср. у Цветаевой: “Раз *из* – то либо *в* (другую комнату), либо *на* (волю)” (Цветаева Марина. Мой Пушкин. М.: “Советский писатель”, 1967, с. 218).

⁵Гипотеза о том, что фокус внимания, который в исходном значении слова может быть подвижным, в производных фиксируется, высказывается в [29].

⁶Похожие явления следует ожидать в семантике глаголов *отойти, сойти, уйти* и других элативных глаголов.

акцент сдвигается на компонент ‘Х прежде был Y-ом’, который составляет предпосылку для ‘перестать’.

В значениях 6.4 и 7 из второй группы обращает на себя внимание предлог *из* – лексемы, совместимые с этим предлогом, должны были бы относиться к первой группе. Обратим, однако, внимание на то, что предлог *из* в контексте этих лексем не может входить в рему: его компонент относится к фоновой части толкований. Так что это не исключение, а скорее даже подтверждение того, что у этих лексем акцентирован компонент ‘начать’.

Смещение фокуса внимания допускает любой глагол СВ, в семантике которого различается событийный и статальный компонент [10, с. 154]; место акцента определяется контекстом предложения. Есть, однако, глаголы СВ, у которых акцент закреплен на одном из компонентов. Это объясняет одно из различий между *появиться* и *показаться* (см. [30]):

(4) а. *появился давно*; б. **показался давно*.

Почему (4а) возможно, а (4б) – нет? Дело в том, что у *показаться* лексически закреплен акцент на событии: в ситуации, описываемой глаголом *показаться*, Наблюдатель должен видеть момент прибытия Субъекта в свое поле зрения. А у *появиться* акцент на состоянии. Так, (5б) невозможно, поскольку Наблюдатель в речевом режиме – это обязательно Говорящий, и если Говорящий знает, что некто *показался*, то ему естественно знать, откуда:

(5) а. *Откуда ты появился?* б. **Откуда ты показался?*

§ 4. ИМПЛИКАТУРА И ИНФЕРЕНЦИЯ

Понятие и термин импликатура (англ. *implicature*) были введены в [31] П. Грайсом. Слово “импликатура” надо понимать как импликатура дискурса (англ. *conversational implicature*). Импликатура – это компонент содержания высказывания, который не входит в конвенциональное, т.е. закодированное в языке, значение слов или конструкций, а выводится из него при учете контекста ситуации, с опорой на Принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты – максимы языкового общения.

Коммуникативные постулаты Грайса делятся на четыре группы:

1) постулаты Количества (информативности): “Твое высказывание должно быть достаточно информативным”; “Оно не должно содержать лишней информации”;

2) постулаты Качества (истинности): “Говори правду” или по крайней мере “Не говори того, что ты считаешь ложным”; “Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований”;

3) постулат Отношения (релевантности): “Будь релевантен”, т.е. “Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу”;

4) постулат Способа выражения: “Избегай неясных выражений”; “Избегай неоднозначности”; “Будь краток”; “Будь упорядочен”.

Понятие импликатуры можно продемонстрировать на следующих примерах (ниже предложение (б) выражает импликатуру, заключенную в (а); пример (1) из [7]; пример (3) – из [31]; пример (4), на базе отрывка из романа А. Лурье “Love and friendship”, приведен в [32]:

(1) а. *Левый глаз у нее видит хорошо*;

б. ‘с правым что-то не в порядке’.

(2) а. *Он придет в субботу или в воскресенье*;

б. ‘говорящий не знает, в какой из этих двух дней’.

(3) а. А: *У меня кончился бензин*. В: *Бензоколонка за углом*.

б. ‘бензоколонка работает, так что А сможет заправиться’.

(4) а. А: *Никому не рассказывайте!* В: *Джентльмен не рассказывает таких вещей*.

б. ‘В – джентльмен’.

4.1. Механизм возникновения импликатур

В последние годы получило распространение следующее терминологическое разграничение (см., например [33, с. 33], [34]): носителем импликатуры является говорящий; он, создавая сообщение, подразумевает (*implicates*) нечто. А интерпретация сообщения – это задача для адресата: адресат делает заключения, инференции (*inferences*)⁷ с целью понять, что говорящий имел в виду.

Полезно различить потенциальные инференции, т.е. такие, которые в принципе можно было бы сделать на основе буквального смысла высказывания, и такие, которые соответствуют реальным импликатурам говорящего. Дело в том, что в своем поиске импликатур адресат может ошибиться. В [31] приводится следующий диалог:

– *Где здесь мебельный магазин?*

– *Мебельный магазин закрыт*.

Говорящий потерпел коммуникативную неудачу: магазин нужен был ему как топографический ориентир, между тем адресат реагировал в соответствии с потенциальной инференцией ‘в мебельном магазине покупают мебель’, которая не была в данном случае импликатурой говорящего.

⁷ Англ. слово *inference* ‘заключение’, ‘вывод’, ‘информация, извлеченная из сообщения, но прямо в нем не выраженная’, не имеет хорошего соответствия в русском языке, и мы используем транслитерацию “инференция”. Ср. термин *invited inference*, букв. ««приглашенная» инференция» (введенный в работе [35]), который отражает взаимодействие говорящего и адресата в интерпретации высказывания.

Любое высказывание, даже самое элементарное, может служить основой для большого количества следствий или заключений – инференций, в особенности, если исходить из того, что говорящий соблюдает Принцип кооперации. (В [36, с. 110] вводится удобный термин “инференции дискурса” – *conversational inferences*; инференции дискурса – частный вид инференций.) Из этих инференций импликатурами данного высказывания будут те, которые в нем задействованы, востребованы. Иначе говоря, инференция становится импликатурой, если она “эксплуатируется”, т.е. если говорящий считает, что адресат вычислит в его высказывании этот компонент – в расчете на то, что он, говорящий, соблюдает Принцип кооперации. Расчет на инференции – это механизм, который позволяет говорящему передать в своем высказывании гораздо больше того, что в нем сказано явно.

Так, в примере (1) импликатура вытекает из максимы Количества: говорящий мог бы выразиться короче, если бы его утверждение было верно для обоих глаз; в примере (2) – из максимы Качества: если бы говорящий знал, какая из двух альтернатив верна, он мог бы сделать более сильное утверждение. В примерах (3), (4) вывод основан на максиме Релевантности. Так, в (4) импликатура (б) позволяет воспринять реплику В как обещание выполнить просьбу.

Импликатура – это семантический компонент, обладающий целым рядом характерных свойств.

1. Импликатура отличается от ординарного компонента неэксплицитностью. Грайс различает в содержании высказывания то, что говорится (*what is said*), и то, что передается неявно (*what is implicated*); импликатура относится ко второму разряду.

2. Импликатура отличается от инференции тем, что говорящий имеет ее в виду.

3. Импликатура не конвенциональна, т.е. не закодирована в значении какого-либо слова или конструкции высказывания. Это особенно очевидно в примерах (3), (4).

4. Импликатуры подавляемы (*defeasible*). Тем самым интерпретация высказывания может быть неоднозначна. Ср. пример из [31, с. 51]:

(5) А: *Smith doesn't seem to have a girlfriend these days.*

В: *He has been paying a lot of visits to New York lately.*

Из высказывания В, скорее всего, можно заключить, что подруга есть; однако его можно понять и так, что у Смита нет времени на такую. Так что первая импликатура подавляема.

5. Импликатура вычислима (см. [37, с. 113–114; 38, с. 24–25]), а именно – она выводима из постулатов дискурса. Основой для вывода импликату-

ры являются взятые в своей совокупности: буквальный смысл высказывания; постулаты дискурса; контекст; внеязыковые знания говорящих и, возможно, что-то еще. Заметим, что в примере (4) для получения нужной импликации ‘В не расскажет’ нужна аристотелевская силлогистика.

6. Импликатура отличается от логических и семантических следствий (*entailments*) тем, что опирается, помимо смысла высказывания, на Принцип кооперации и на контекст.

7. Импликатура отличается от пресуппозиций тем, что может быть эксплицирована (*reinforced*) в последующем тексте, и это не вызовет ощущения тавтологии. Так, текст (а), где эксплицируется импликатура, нормальный, а текст (б), где повторяется пресуппозиция, звучит странно:

(а) *Некоторым понравилось. Но не всем.*

(б) *Его преступление непростительно. А он совершил преступление.*

8. Импликатура отличается от ассерции тем, что если она ложна, то высказывание в целом не является ложным. Автор высказывания с ложной импликатурой не лжет, а всего лишь вводит в заблуждение – сознательно или бессознательно.

9. Импликатуры дискурса универсальны, т.е. должны вытекать из высказывания с данным смыслом в любом языке, и этим отличаются от конвенциональных компонентов.

Выигрышное поприще для демонстрации идей Грейса – слова, которые являются эквивалентами логических связей: отличие союзов от связей отчасти можно вывести из постулатов коммуникации.

Так, союз *или* отличается от логической дизъюнкции $p \vee q$ компонентом “незнание”, пример (2): если бы говорящий знал, какой из дизъюнктивных членов верен, он мог бы сделать более информативное высказывание. Это было известно еще Тарскому (см. [20, с. 43])⁸.

Союз *если* отличается от логической импликации $p \rightarrow q$ наличием нескольких дополнительных компонентов, которые, скорее всего, являются импликатурами. Рассмотрим пример:

(6) *Если матч транслируется, то Иван сейчас сидит перед телевизором.*

Первый компонент – ‘говорящий не знает, имеет ли место q ’; иначе он мог бы сделать более сильное утверждение, не упоминая условия p вовсе. Второй – ‘говорящий не знает, имеет ли место p ’. В русском языке для того случая, когда p однозначно истинно, есть союз *раз*, см. [39]:

⁸Есть еще одно отличие: в естественном языке дизъюнкция, в исходном значении, разделительная (а неразделительная возникает только в определенных контекстах типа *Если будет холодно или пойдет дождь, то прогулка не состоится*) (см. [40]). Разделительное значение *или* тоже вытекает из общих законов коммуникации.

(б') *Раз матч транслируется, Иван сейчас сидит перед телевизором.*

Третий дополнительный компонент – между *p* и *q* имеется содержательная связь – причинно-следственная (например, во фразе *Если Иван опаздывает, то Маши сердится* эмоциональное состояние Маши понимается как обусловленное опозданием Ивана) или какая-то иная, например, по договоренности (как во фразе *Если Ева на даче, то Адам в городе*). Этот компонент вытекает из постулата Качества: если такой связи нет, то какое основание говорящий может иметь для своего утверждения? Добавим еще четвертую импликацию – ‘если не-*p*, то не-*q*’. В самом деле, *если* часто понимается в значении ‘если и только если’ (ср. [10, с. 239]), что вытекает из постулата Количества – особенно в контексте, где противопоставлены только *p* и не-*p*:

(б'') *Если позовешь, приду* [имеется в виду: ‘а если нет, то нет’].

Наконец, союз *и* отличается от конъюнкции *p & q* тем, что в контексте, где *p* и *q* – события, в толковании и возникает, по умолчанию, дополнительный компонент, обусловленный одной из максим Способа, которая требует, чтобы события излагались в той последовательности, в которой они происходили (в [10, с. 363] перечислены обстоятельства времени, которые заставляют отказаться от этой дефолтной интерпретации). Так, даже в примере (7б) говорящий будет искать интерпретации, соответствующей этой импликации (она возможна, например, если действие происходит на второй полке в вагоне поезда):

(7) а. *Он снял брюки и лег*; б. *Он лег и снял брюки.*

В последние годы “радикально прагматический” подход Грайса, при котором большая часть значения высказывания передается в компетенцию прагматики, неоднократно подвергался критике (см., например [41]). Одна из указанных Грайсом областей применения его “радикально прагматического” подхода – это тавтологии вида “*X ‘есть’ X*”. Альтернативный Грайсу анализ тавтологий предлагается в блестящем эссе Анны Вежицкой [42, с. 391–452]. Если значение тавтологии может быть предсказано на базе универсальных принципов, независимых от языка, то оно должно быть во всех языках одинаково. Между тем, говорит Вежицкая, конструкции вида “*X ‘есть’ X*”, формально совпадающие в разных языках, имеют разное значение – конвенциональное и, следовательно, лингвоспецифичное, т.е. не выводимое из общих принципов. И наоборот, один язык может иметь разные тавтологические конструкции с разным смыслом. Например, *Boys are boys* – не то же, что *Boys will be boys*. Вежицкая усматривает для конструкции “*X is X*” в ан-

глийском языке несколько разных моделей, в частности:

(а) Реалистическое отношение к событиям жизни:

War is war ‘Война есть война’; *Business is business* ‘Бизнес есть бизнес’.

(б) Терпимость к человеческой природе:

Boys are boys ‘Дети есть дети’; *Woman is woman* ‘Женщина есть женщина’.

(в) Терпимость к тем или иным видам человеческой деятельности:

A picnic is a picnic ‘Пикник есть пикник’; *A holiday is a holiday* ‘Праздник есть праздник’.

В английском языке модели (а)–(в) различаются формально – числом и артиклем. Между тем русские переводы по форме везде одинаковы, и мы попытаемся показать, что русская конструкция “*X есть X*” всегда имеет одно и то же значение.

Существенный аспект семантики конструкций этого типа отмечен в толковании, предлагаемом в [37, с. 125] для высказывания *Boys are boys*: оно анализируется как содержащее импликацию ‘that’s the kind of unruly behavior you would expect from boys’ – ‘вот неправильное поведение, которого, однако, от мальчика следовало ожидать!’. В этой формулировке существенно то, что хотя высказывание носит общий характер, делаться оно может по поводу конкретного поступка или события, который находится в зоне внимания говорящих. В этой связи важно замечание Вежицкой о том, что на французский язык, где конструкция “*X ‘есть’ X*” непродуктивна, фраза *Война есть война* будет переведена как *C’est la guerre*, так что это конкретное явление обозначено дейктическим *ce* ‘это’.

Конструкции “*X есть X*” можно дать следующее толкование. (В толковании фигурирует, помимо участника *X*, участник *x* – конкретный объект или явление, по поводу которого делается высказывание; синтаксис оставляет его за кадром, т.е. в число синтаксических составляющих конструкции он не входит.):

X есть X (например, *Дети есть дети*) =

имело место событие, касающееся *x*-а

x относится к категории *X*

все объекты категории *X* обладают определенным свойством/требуют от человека определенного поведения по отношению к ним (и вызывают соответствующую реакцию)

тем самым

x обладает этим свойством/требует от человека данного поведения по отношению к нему (и вызывает эту реакцию)

так что этого следовало ожидать/это следует принять как должное⁹.

Уникальная сложность смысла высказываний вида “*X есть X*” обусловлена тем, что содержательно главный компонент ее значения – ‘*x* относится к категории *X*’ – присутствует в ее толковании в статусе “За кадром”: участник *x*, по поводу которого делается высказывание, в поверхностной структуре не отражен. Пока компонентам не приписаны коммуникативные статусы (см. § 3), это толкование больше годится для французской конструкции, представленной выше примером *C’est la guerre*, где участник *x* выражен (дейктически) и категоризация конкретного явления составляет ассерцию. Между тем русская конструкция выносит категоризацию *x*-а за кадр. Более того, то свойство, вытекающее из принадлежности *x*-а к категории *X*, которое интересует говорящего, составляет импликацию и в пределах самой конструкции тоже не выражается. Чтобы понять высказывание, нужно понять, какое свойство объектов категории *X* имеется в виду.

Например, для *Дети есть дети* это может быть склонность к шалостям. Возьмем высказывание

(8) *Мать есть мать.*

Оно могло быть сделано, например, в ситуации, когда женщина пожертвовала чем-то ради своего ребенка и заслуживает восхищения; когда она защищает его неблаговидный поступок, но достойна снисхождения; когда она беспомощна, и необходимо проявление заботы с нашей стороны; и еще во многих других ситуациях. В любом случае имеется в виду какая-то ассоциация (или коннотация, ср. [44]), которая в данном контексте выходит на передний план. Импликация может быть сформулирована в последующем тексте в явном виде, как в строчках из стихотворения Б. Окуджавы *Работа есть работа: работа есть всегда*.

Конкретного проявления, т.е. участника *x*, может ни в тексте, ни в контексте не быть; тогда смысл конструкции состоит просто в том, чтобы обратить внимание на какое-то из свойств самой категории *X*, заключенное в импликации. Импликацией может, в частности, быть сам факт существования данной категории явлений: признавая существование явления, мы должны принять как должное все его аспекты, в частности – отрицательные. Фраза *Терроризм есть терроризм*, которая звучит странно (поскольку призывает как бы к примирению с терроризмом) не аномальна, а скорее ложна в нашей культуре, по-

скольку мы не склонны признавать терроризм – в отличие даже от войны – законно существующим в нашем мире. В то же время для высказывания *Террорист есть террорист* вполне можно найти подходящий контекст: например, его выпустили на свободу, а он совершил новый теракт, и этого следовало ожидать.

В [42, с. 411–412] приводится список “отношений и ожиданий” (*attitudes and expectations*), связанных с разными категориями, и отмечается, что он не полон. Но этот список и не может быть полным, поскольку речь идет об импликациях, которые не перечислимы в рамках семантики. Взять хотя бы пример со стр. 411, когда высказывание *Мужчина есть мужчина* имеет подтекст ‘от него можно ожидать чего угодно’ (причем речь идет о мертвеце, обнаруженном в гардеробе). Ассоциация фиксирована только для тех оборотов, которые стали фразеологизмами, а в свободно образующихся сочетаниях любая инференция – любая ассоциация, связанная с категорией *X*, – может стать импликацией, нужной говорящему.

Естественно, что конструкция “*X есть X*” не принимает на роль *X*-а те категории, с которыми не связано определенных ассоциаций. Так, фраза *Вторник есть вторник* хуже, чем *Суббота есть суббота*, поскольку у обычного дня недели нет специальных признаков. Но как только в каком-то контексте возникает характерная ассоциация (например, если во вторник у говорящего важный семинар), тавтологическая конструкция *Вторник есть вторник* сразу становится осмысленной.

Свойство объектов класса *X*, составляющее импликацию, может быть как отрицательным, так и положительным. По-видимому, высказывания с положительной оценкой встречаются реже, чем с отрицательной, и, возможно, они слегка отличаются интонационно¹⁰. Например, фраза *Мать есть мать* может выражать чувство законной гордости; фраза *Праздник есть праздник* – выражать положительное отношение к приготовлениям.

Из сказанного ясно, что описание этой конструкции невозможно без обращения к понятию импликации: говорящий выделяет какое-то из свойств категории *X* как основное, актуализуя одну из бесчисленного множества инференций, связанных с этой категорией. Единственное значение, которое можно приписать конструкции как целому, а не компонентам, – это ожидаемость, очевидность (для говорящего) наличия некоторого свойства у явления, вытекающего из его принадлежности к категории (или у самой категории). В [8] в значении конструкции “*X есть X*” усматривается компонент уступительности. Можно

⁹См. момент ожидания, отмеченный в семантике этой конструкции С. Левинсоном. В русской фразе *Это же война!*, которая очень близка по смыслу к *Война есть война!*, говорящий, как справедливо отмечает Вежбицкая, апеллирует к выражаемой частью *же* очевидности всех вытекающих последствий; см. о *же* в [43].

¹⁰В [8] вводится в рассмотрение конструкция “*X – это X*”, с помощью которой говорящий выражает скорее положительное отношение, ср. *Женщина есть женщина и в то время женщины – это были женщины*.

думать, что “ожидание” охватывает уступительность: хорошие проявления *х-а*, если они представляются как ожидаемые-очевидные, тем самым принижаются, а плохие оправдываются.

Итак, мы вправе заключить, что конструкция “*Х есть Х*” не может быть описана на чисто семантическом уровне: ее толкование обращено не к смыслу слова *Х*, а к связанной с ним имплицатуре, которая целиком на совести говорящего и, в принципе, может быть своей для каждого употребления высказывания этой формы.

Надо сказать, что ровно тот же принцип актуализации инференций работает на метафору. Ср. пример из [45, с. 118] *Джон – это машина*. Набор инференций, вытекающих из причисления Джона к данной категории, не однозначен – Джон может быть холодным; эффективным; не творческим; и т.д. Какая из ассоциаций-инференций оказывается в данном высказывании имплицатурой, зависит от говорящего, а адресат выявляет по контексту – более или менее успешно – среди возможных инференций ту, которая имела в виду.

В статье [46], одной из самых лингвистически содержательных работ о метафоре, для обозначения стандартных ассоциаций, которые не содержатся непосредственно в значении слова, но связаны с ним в сознании данного языкового коллектива, используется термин “импликация”. Тот же термин, примерно в том же значении, используется в работе [47], где такие импликации позволяют предсказать свойственные глаголу семантические деривации. Например, у глаголов деформации, типа *рвать, резать, бить* основной семантический компонент – “нарушение целостности объекта”; а импликации, порождающие новые значения, многочисленны и разнообразны:

– “повреждение, ущерб” (*порвать рубаху, порезать палец*);

– “невозможность функционирования” (*ветер порвал провода*);

– “уничтожение” (объекта: *порвать записку*)/“прекращение” (ситуации: *разорвать отношения*);

– и даже “создание” (*пробились ростки нового*).

При этом в производных значениях исходный компонент “нарушение целостности объекта” отходит на задний план или вовсе утрачивается. Здесь импликация, видимо, то же, что инференция.

4.2. Типы имплицатур

Свойства, перечисленные в разделе 4.1, приписываются имплицатурам в целом; между тем, имеются разные их типы. Грайс различает общезначимые имплицатуры (*generalized implicatures*) и частные (*particular*). Только частные имплицатуры, такие как в примерах (3), (4), действительно зависят от контекста. Конструкция “*Х есть Х*” в

русском языке, как мы видели, тоже порождает частные имплицатуры, т.е. в каждом контексте свои. Что же касается имплицатур в составе “логических” союзов, то они общезначимые и от контекста не зависят.

Разные виды имплицатур обладают разным набором свойств из числа приведенных в разделе 4.1. Так, частные имплицатуры безусловно подавляемы, см. пример (5). При этом естественно, что если на имплицатуре строилась связность текста, то ее ложность имеет последствием нарушение связности. Так, в примере (4) из последующего контекста выясняется, что *В* все-таки рассказал то, что не надо. В свое оправдание он говорит: *I never said I was a gentleman* ‘Я не говорил, что я джентльмен’. Тем самым он освободился от своего обещания. Однако в этом случае он должен признать, что его реплика в первом диалоге нарушила максимум Релевантности (делала текст бес-связным) и, тем самым, вводила в заблуждение.

Пример общезначимой имплицатуры – компонент ‘не все’ в значении слова *некоторый*:

(9) *Некоторые книги он прочел* [предполагается, что не все].

Общезначимые имплицатуры фактически не обладают одним из главных свойств типичной имплицатуры – подавляемостью. Так, в текстах, которые приводятся в доказательство подавляемости общезначимой имплицатуры, вторая фраза допустима разве что как поправка к первой:

(9') *Некоторым выставка понравилась. На самом деле, всем.*

Общезначимым имплицатурам посвящена книга [45], где излагается некий общий принцип выявления имплицатур, порождаемых постулатом Количества (все они общезначимые). А именно, если в языке имеется два выражения, близких по смыслу, из которых одно является в некотором смысле более сильным, чем другое (содержит больше информации), то употребление более слабого означает, что более сильное было бы ложным. Отсюда целая серия имплицатур, порождаемых наличием пары слов, упорядоченных по информативности (ниже знак : связывает слово с его имплицатурой). Примеры:

<и, или>: *или* → ‘не и’

<все, некоторые>: *некоторые* → ‘не все’

<все, многие>: *многие* → ‘не все’

<большинство, некоторые из>: *некоторые из* → ‘не большинство’

<обязательно, возможно>: *возможно* → ‘не обязательно’

<должно, может>: *может* → ‘не должно’

<всегда, иногда>: *иногда* → ‘не всегда’

<горячий, теплый>: *теплый* → ‘не горячий’

<знаю, считаю>: *считаю* → ‘не знаю’

<через X, рядом с X-ом>: *рядом с X-ом* 'не через X'.

Употребление второго слова означает, что высказывание с первым, по мнению говорящего, было бы ложным (по крайней мере, за его истинность он не может поручиться). Так, *считает, что Р*, как давно признано в философской логике, имплицитно означает 'не знает, Р или не Р'. Точнее было бы в этом контексте говорить не об имплицатурах, а об инференциях дискурса. Дело в том, что все эти инференции по своему содержанию отрицательные, т.е. малоинформативные, и поэтому, как правило, они не входят в смысл слова. Например, из *обручена* вытекает 'не замужем', но едва ли это компонент значения слова *обручена*.

Обязательная (и тривиальная) инференция может, однако, стать компонентом значения. Покажем это на примере (10). Глаголы с приставкой *про-* обнаруживают следующую характерную неоднозначность:

(10) а. *Мы сейчас проехали* (или: *проезжаем*) *Аникеевку*;

б. *Мы проехали* *Аникеевку* – *теперь придется идти назад пешком*.

В работе [13] неоднозначность глаголов с приставкой *про-* была представлена как различие в значении слова *мимо*: и (10а), и (10б) может быть перефразировано как 'проехали мимо Аникеевки'; иначе – 'рядом с Аникеевкой'. Будем считать, что в (10а) *мимо 1*, а в (10б) – *мимо 2*. В значении *мимо 1* нет ожидания будущего контакта движущегося предмета X с ориентиром Y, поблизости от которого проходит траектория X-а:

мимо 1 (как в *Мы <X> проезжаем мимо Аникеевки <Y>*) =

'X перемещался';

'в некоторый момент X находился рядом с Y-ом'.

А значение *мимо 2* возникает тогда, когда контакт с Y-ом предполагался, но не осуществился. Только ожидание (вытекающее из контекста) порождает значение несостоявшегося контакта, *мимо 2*. В исходном значении, *мимо 1*, компонент "отсутствие контакта с Y-ом" – это неинтересное отрицательное следствие, инференция, значения слова *рядом*; это следствие не является компонентом значения слова *рядом*: если *рядом с Y-ом*, значит 'не через Y'.

Про глаголы с приставкой *про-* в [48, с. 165] говорится, что им свойствен семантический сдвиг, при котором "имплицатура переходит в ассерцию". Точнее будет, однако, сказать, что в производном значении этих глаголов, как и в значении *мимо 2* слова *мимо*, компонент "отсутствие контакта" одновременно а) становится из потенциальной инференции имплицатурой, переосмысляясь как "несостоявшийся контакт", и б) получает

статус ассерции. Таким образом, у *проехать мимо* выявляется два значения: 1) 'проехать рядом с Y-ом'; 2) 'не попасть в Y/не вступить в контакт с Y-ом, вместо этого проехав рядом с Y-ом'.

Наряду с инференциями дискурса, которые общезначимы, представляют интерес инференции, которые носят более частный характер и не являются обязательными. Примером такой инференции может служить компонент "перемещение", который усматривается у глагола *показаться*: стать видимым естественнее всего за счет перемещения, так что "перемещение" возникает в толковании как естественная инференция. Для стативного значения *показаться* компонент "перемещение" не является обязательным и возникает лишь в определенных контекстах, например, в (11):

(11) *Тотчас из-за одного из памятников показался черный плащ. Клык сверкнул при луне, и Маргарита узнала Азазелло.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Между тем для акционального значения *показаться*, как в (12), инференция перемещения является ординарным – стабильным – семантическим компонентом:

(12) *Он надел эту шапочку и показался Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он – мастер.*

Возможность перехода необязательной инференции в ординарный компонент демонстрирует глагол *исчезнуть*. Рассмотрим пример:

(13) *Швейцар смирил сердитого чиновника полным сомнением взглядом, но все же исчез за дверью.* (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса)

В толковании глагола *исчезнуть* в его исходном значении различаются два компонента: главный, 'перестать быть видимым', – ассерция; и второй компонент, 'переместиться', не обязательный; он возникает на правах правдоподобного заключения – инференции – в контекстах типа *Иван появился на минуту, но тут же исчез* и не возникает в контексте *изображение исчезло*. Отсюда специальный эффект в примере (13): по смыслу противоречие, выражаемое с помощью уступительного *но все же*, – между сомнением швейцара и его перемещением, а не его видимостью; компонент "перемещение", имеющий статус инференции, не может вступать в такое противопоставление; нужен акцентный сдвиг, который бы перевел компонент "перемещение" в ординарный, что и имеет место в (13). Надо сказать, что помимо акцентного сдвига, в (13) задействован категориальный: контекст требует, чтобы перемещение субъекта имело характер сознательного действия. Так что *исчезнуть* в (13) выступает как глагол действия – каковым он в своем исходном словарном значении, конечно, не является.

Сходным образом ведет себя компонент "перемещение" в глаголе *скрыться*.

33. *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge University press, 1983.
34. *Wilson D., Sperber D.* Inference and implicature // Travis C. (ed.) Meaning and interpretation. Blackwell: 1986. Reprinted in Davis S. (ed.) Pragmatics. A reader. N.Y.; Oxford: Oxford UP, 1991.
35. *Geis Michael L., Zwicky Arnold M.* On invited inferences // Linguistic Inquiry. 1971. Vol. 11.
36. *Green G.* Pragmatics and natural language understanding. Mahwah. New Jersey: Lawrence Erlbaum associates, 1996.
37. *Levinson St.* Pragmatics. London; N.Y.: Cambridge University Press, 1983.
38. *Leech G.N.* Principles of pragmatics. London: Longman, 1983.
39. *Иорданская Л.Н.* Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. Vol. 12. 1988.
40. *Падучева Е.В.* Опыт логического анализа значения союза ИЛИ // Философские науки. 1964. № 6.
41. *Davis W.A.* Implicature: intention, convention and principle in the failure of Gricean theory. Cambridge: Cambridge UP, 1988.
42. *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
43. *Paduceva E.* La particule ZHE: semantique, syntaxe et prosodie // Les particules inonciatives en Russe contemporain. Vol. 3. Paris. 1987.
44. *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 6.
45. *Levinson S.D.* Presumptive meanings. The theory of generalized implicature. Cambridge; Mass.; London UK: MIT press, 2000.
46. *Black M.* Metaphor // *Black M.* Models and Metaphor. Studies in Language and Philosophy. Ithaca–London: Cornell University Press, 1962. / Рус. пер.: *Макс Блэк.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
47. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и стратегии семантической деривации // Russian linguistics. 2001. Vol. 25.
48. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
49. *Traugott E.C.* Semantic change: An overview // Glot International. 1997. Vol. 2. № 9–10.
50. *Рахилина Е.В.* Лексическое значение и коммуникативная структура (к постановке проблемы) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 6.
51. *Филипенко М.В.* О сочетаемости глагола с наречием // Институт лингвистических исследований РАН. Тезисы докладов XI конференции. СПб., 1992.
52. *Иванова С.А., Казенин К.И.* О коммуникативных ограничениях на взаимодействие значений лексем // Вопросы языкознания. 1993. № 5.
53. *Апресян В.Ю.* Словарная статья глагола *гореть* // Семантика и информатика. Вып. 32. М.: ВИНТИ, 1991.
54. *Мартемьянов Ю.С.* Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. № 8.